

Ц Е Ц Е Н Б А Л А К А Е В

ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ,
О ЕГО ПТЕНЦАХ И О ДЕЯНИЯХ ЕГО
НА БЛАГО ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО

Роман в письмах, доносах, указах и мемуарах

Цецен Балакаев

**О Петре Великом, о его птенцах
и о деяниях его на благо
государства Российскаго»**

«Автор»

2026

Балакаев Ц. А.

О Петре Великом, о его птенцах и о деяниях его на благо государства Российского» / Ц. А. Балакаев — «Автор», 2026

Он не был ни святым, ни злодеем. Он был творцом – нетерпеливым, беспощадным к себе и другим, но одержимым одной мыслью: вывести Россию из полумрака в свет. Книга Цецена Балакаева – не парадный портрет и не обвинительный приговор. Это многоголосый роман, собранный из подлинных документов эпохи: писем, доносов, указов, мемуаров. Здесь говорят сам Пётр, его соратники и его противники, его «птенцы» – те, кто учился летать на ходу, падал и снова поднимался. Из их голосов, противоречивых и живых, складывается образ человека, который поднял страну на дыбы – и удержал. Три столетия спустя мы всё ещё спорим о нём. Но пока спорят – империя, им основанная, стоит. Эта книга – о том, как это стало возможно. Оформление: обложка и иллюстрации – автора.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Цецен Балакаев

О Петре Великом, о его птенцах и о деяниях его на благо государства Российского»

Глава 1

Цецен Балакаев

«О Петре Великом, о его птенцах и о деяниях его на благо государства Российского»

Роман в письмах, доносах, указах и мемуарах

Он не был ни святым, ни злодеем. Он был творцом – нетерпеливым, беспощадным к себе и другим, но одержимым одной мыслью: вывести Россию из полумрака в свет.

Книга Цецена Балакаева – не парадный портрет и не обвинительный приговор. Это многоголосый роман, собранный из подлинных документов эпохи: писем, доносов, указов, мемуаров. Здесь говорят сам Пётр, его соратники и его противники, его «птенцы» – те, кто учился летать на ходу, падал и снова поднимался. Из их голосов, противоречивых и живых, складывается образ человека, который поднял страну на дыбы – и удержал.

Три столетия спустя мы всё ещё спорим о нём. Но пока спорят – империя, им основанная, стоит. Эта книга – о том, как это стало возможно.

Оформление: обложка и иллюстрации – автора.

Предисловие

Три столетия отделяют нас от эпохи, когда на престоле Московского царства оказался человек, которому суждено было изменить сам ход русской истории. О нём написаны тысячи книг, сложены легенды, воздвигнуты памятники – и всё же он остаётся одним из самых спорных государей в нашем Отечестве. Спорят о его жестокости, о цене преобразований, о методах, которыми он действовал. Спорят – и не видят главного.

Государь Пётр Алексеевич принял в управление страну, погружённую в полусон. Московское царство жило старым укладом, отгородившись от мира стенами обычая и подозрительности. Оно было огромным – и при этом неповоротливым, богатым – и при этом бедным духом движения. Пётр разбудил его. Не лаской, не уговорами – ударом. Он распахнул окно в Европу, и сквозь это окно ворвался ветер, который сметал старое и выковывал новое.

Сегодня, три столетия спустя, находятся охотники клясть его в «царских грехах». Псевдо-историки и псевдо-патриоты, мнящие себя судьями прошлого, с наслаждением перечисляют его преступления – забывая при этом, что судят они творца по меркам обывателя. Они не видят главного: русское общество изменилось. Оно перестало быть затворником, оно вышло на мировую арену, обрело волю, науку, флот, армию, мысль. Россия твёрдо стала обеими ногами на двух континентах, простёрла свою длань далеко за свои пределы и утвердилась как великая держава – не на словах, а на деле.

Пётр не был кроток. Величие редко бывает кротким. Но он был последователен в главном: всё, что он делал, он делал на благо государства Российского. Не для себя, не для славы, не для потомков – для страны, которую он видел великой и которая без него, возможно, не стала бы ею никогда.

Эта книга – не апология и не обвинение. Это попытка услышать эпоху изнутри: головами тех, кто её творил. Письма, доносы, указы, мемуары – всё это осколки одного огромного замысла, который мы, их наследники, всё ещё постигаем. И пока мы спорим – империя, им основанная, стоит. Стоит на двух континентах, на двух морях, на трёх веках русской славы. И гордо смотрит в будущее.

Читатель, перед тобой – не учебник и не приговор. Перед тобой – живая история. Войди в неё без предубеждения. Пусть говорят документы. Пусть говорят люди. Пусть говорит сам Пётр.

Глава 2

«Вифлиомский знак»

Легенда о Симеоне Полоцком и звезде Петра Великого

Глава первая, в которой тишина кремлевских келий обретает голос

На исходе лета 1671 года, когда багряные листья кленов в кремлевских садах уже тронула первая позолота, ночи сделались прозрачными и студеными. Воздух пах яблоками и медью. В одной из келий Заиконоспасского монастыря, где за высокими дубовыми ставнями прятался от мирской суеты учёный монах, горела свеча. Огонь её не колебался – в комнате не было ни сквозняков, ни дыхания ветра. Только тишина, плотная, как старая парча, и запах старого пергамента, чернил и сушёных васильков, заложенных между страницами фолиантов.

Симеон Полоцкий сидел за столом, заваленным звёздными картами, астролябией и листами с готической вязью. Он не спал третьи сутки. Не потому, что не хотел – сон бежал от него сам, гонимый неясным, зудящим предчувствием. В груди его жило странное ощущение, знакомое только поэтам и пророкам: мир застыл в ожидании. Птицы не пели по утрам, река Москва текла как будто гуще, и даже патриаршие колокола звучали глухо, словно под ватой.

Его мирское имя – Самуил Петровский-Ситнианович – уже давно осталось где-то в далекой Витебщине, в тамошних школах и спорах с униатами. Теперь он был Симеоном, духовником царевны Софьи, наставником царевичей Феодора и Иоанна, главным книжником царства. Но сегодня, в эту ночь, он чувствовал себя не учителем, не монахом и не поэтом. Он чувствовал себя свидетелем.

Глубоко в сундуке, обшитом железными полосами, лежал манускрипт, который он никогда не показывал ни царю, ни инквизитору. Там была не ересь – там была древняя халдейская мудрость о «рождении владык», о том, как звёзды вычерчивают на небесной тверди письмена судьбы, а планеты, словно буквы, складываются в слова. Симеон знал: астрология – не гадание, но язык. Язык, на котором Творец изъясняется с теми, кто способен слушать.

Он подошёл к узкому, стрельчатому окну. За стеклом, в чернильной глубине, горели небеса. Московское небо августа было низким и звёздным, словно купол собора, расписанный вручную. И тут, в правом углу, почти у самого горизонта, где за стенами Кремля начинались посадские крыши, Симеон заметил нечто, отчего сердце его сначала остановилось, а затем забилось с яростной, пророческой силой.

Звезда. Она была не просто яркой – она была живой.

Она пульсировала алым светом, смешанным с чистым серебром, и вокруг неё, как нимб, дрожала бледно-зелёная аура. Симеон протёр глаза, схватил астролябию, но прибор был бесполезен: звезда двигалась. Не как комета – кометы полосатого хвоста опадали, как платья распутных девок. Эта звезда вела себя как одушевленное существо. Она приближалась к Марсу, проходила сквозь его красный свет и выходила с другой стороны, оставляя за собой светящийся шлейф, похожий на букву «П».

– Господи, – шепнул старец, и голос его не прозвучал, но прошёл через комнату, как эхо в пустом колодце. – Это Знак.

Он ринулся к книгам. Фолианты падали на пол, раскрываясь на страницах, где были начертаны таблицы домов. Симеон считал, чертил, пересчитывал. Наклон эклиптики, положение Юпитера в Раке, соединение Сатурна с Луной. Всё говорило об одном: звезда, которую он видит, – не светило. Это эманация. Знак, оставленный для того, кто умеет читать.

Он провёл пальцем по строке из трактата Абу Машара: *«Когда в час зачатия владыки на востоке загорается свет, не имеющий имени, знай: родится тот, кто перепишет законы времени»*.

Тут Симеон понял, что должен пойти во дворец. Он не знал, что будет говорить, но чувствовал: если он промолчит, это преступление перед потомками.

Глава вторая, в которой слово становится плотью

Царь Алексей Михайлович, Тишайший, принял Симеона с обычной благосклонностью. Царь любил учёность, но боялся её, как дитя боится огня. Он слушал стихи, кивал на сложные церковнославянские вирши, но в глазах его всегда стояла настороженность: «Не сглазишь ли, книжник? Не наведешь ли порчу словами?»

– Владыка, – начал Симеон, низко кланаясь, но не касаясь лбом паркета. – Прости дерзость, но прошу дозволить мне толкование знамения.

– Знамения? – нахмурился государь. – Мне докладывали, что вчера над собором пролетел коршун с белым пером. Или ты о другом?

– О звезде, государь. Ночью я видел светило, которое зажглось на востоке и прошло через дом Марса. Это не простая звезда. Это знак. Я рассчитал положение планет на весну будущего года.

Царь насторожился. Он знал, что его супруга, царица Наталья Кирилловна, ждёт дитя. Срок был – конец весны. Мысль о том, что какой-то монах уже вычисляет судьбу нерожденного младенца, была для царя и страшна, и сладка одновременно.

– Говори, – разрешил он, сделав знак боярам отойти. – Но помни: за ложное пророчество ответишь головой.

Симеон выпрямился. Он не боялся смерти. Он боялся лишь одного – что его слова будут поняты превратно. Он открыл свиток, который принёс под рясой, и разложил его на дубовом столе.

– Государь, 30 мая будущего года, в час, когда солнце войдёт в знак Близнецов, а Луна соединится с Юпитером в одиннадцатом доме небесного чертога, родится тот, кто будет назван великим. Я видел его звезду. Она алая, как кровь мучеников, и белая, как свет Преображения. Она означает, что сей младенец будет не просто царём. Он будет преобразителем.

– Преобразителем? – переспросил царь, и голос его задрожал. – В каком смысле? Как христианский царь, спаситель? Или как еретик?

– Как тот, кто разрушит старые скрижали и напишет новые, – смело ответил Симеон. – Он переплавит колокола в пушки, но из пушек сделает колокола иного звона. Он прорубит окно туда, куда мы боимся смотреть. И имя его будет греметь от варягов до греков, и даже моря, доселе нехоженные, покорятся ему.

Царь поморщился. Он был человеком старой веры, где всякое новшество пахло латынью и антихристом. Но в то же время, в глубине души, он хотел величия. Все русские цари хотели быть равными кесарям, но никто не решался ступить за черту.

– Откуда ты знаешь? – спросил он, прищурившись. – Ты колдун?

– Я чтец, – тихо поправил Симеон. – Я читаю книгу, которую написал не я. Язык этой книги – гармония сфер. В ней нет чёрных знаков, государь. Только золотые. И если я ошибся, пусть Господь покарает меня слепотой. Но если я прав...

Он остановился и посмотрел царю прямо в глаза. Это было дерзко для монаха, но Симеон уже не был просто монахом. Он был человеком знания, а знание дает право, которого не дает сан.

– Если я прав, – продолжил он, – то в эту ночь, 30 мая, на небе не будет ни одной тучи. И звезда, которую я видел, засияет над Кремлём так ярко, что её увидят даже слепые. Запомни моё слово.

Царь не ответил. Он только махнул рукой, и Симеон, поклонившись, вышел из палат. Но прежде чем закрылась за ним дверь, Алексей Михайлович прошептал одними губами:

– Дай Бог...

Глава третья, в которой рождается пророчество и умирает тишина

Наступила весна 1672 года. Симеон Полоцкий почти не выходил из своей кельи. Он писал.

Он писал «Вертоград многоцветный» – книгу, которая должна была стать садом, где каждое растение – это метафора, каждая ветка – силлогизм. Он вплетал в свои стихи звёздные символы, шифры, которые никто не разгадает до тех пор, пока не придет час. Но, помимо «Вертограда», он вел ещё одну тетрадь – черновую, на грубой серой бумаге. Там он записывал свои расчёты.

В те дни Москва гудела от слухов. Шептали, что царица Наталья Кирилловна носит под сердцем не просто царское семя, но «огненного младенца». Старые бояре крестились и плевали через левое плечо. Молодые – шептались в посольских переулках. А Симеон в своей тишине вычислял координаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.